

Л. П. Волкова, доц.,
Черновицкий университет

**«Русский чисто анекдот» —
структурообразующий принцип
гоголевской драматургии**

В драматургических взглядах и творческой практике Н. В. Гоголя важное место занимает положение об извлечении необыкновенного из обыкновенного для обнаружения истинности. Это — один из драматургических принципов писателя. Гоголь предлагал положить в основу произведения «...какой-нибудь смешной или несмешной, но русский чисто анекдот» [5, т. 10, с. 375]. Учение о необычайном, о соотношении обыденного и исключительного в драматическом произведении было выдвинуто еще Д. Дидро [8, с. 200]. Впрочем, если Гоголь даже знал положение Дидро, он самостоятельно развивался в сторону сценического реализма.

Как вспоминал С. Т. Аксаков, драматург еще в молодости высказывал мнение о возможностях одаренного ума увидеть многое в окружающей жизни в противоположность серости. Эти мысли развернулись в целое рассуждение в гоголевской статье 1832 г. «Несколько слов о Пушкине»: «То, что мы реже видим, всегда сильнее поражает наше воображение... Мне пришло на память одно происшествие из моего детства. Я всегда чувствовал маленькую страсть к живописи. Меня много занимал писанный мною пейзаж, на первом плане которого раскидывалось сухое дерево. Я жил тогда в деревне; знатоки и судьи мои были окружные соседи. Один из них, взглянувши на картину, покачал головою и сказал: «Хороший живописец выбирает дерево рослое, хорошее, на котором бы и листья были свежие, хорошо растущее, а не сухое». В детстве мне казалось досадно слышать такой суд, но и после я из него извлек мудрость: знать, что нравится и что не нравится толпе... Потому, что чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно было быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было между прочим совершенная истина» [5, т. 8, с. 53—54]. В «Петербургских записках» встречаем сходное рассуждение: «Непостижимое явление: то, что повседневно окружает нас, что неразлучно с нами, что обыкновенно, то может замечать один только глубокий, великий необыкновенный талант. Но то, что случается редко, что составляет исключения, что останавлива-

ет нас своим безобразием, нестройностью среди стройности, за то схватывается обеими руками посредственность» [5, т. 8, с. 182]. Гоголь пришел к мнению: истинно высокой и прекрасной может быть жизненная правда, повседневные явления и житейские мелочи могут возвыситься до высот творчества. Но такое под силу только великому таланту, который в состоянии подняться до осознания важности изображения реальной жизни и социальных язв.

Таким был сам Гоголь. Еще в гимназические годы писатель стал развивать наблюдательность. Он писал, что с Г. И. Высоцким его «сроднили глупости людские», над которыми они вместе потешались [5, т. 10, с. 91]. В Нежине Гоголь услышал известный рассказ о том, как Екатерина II в 1787 г. наградила графа А. А. Безбородько, происходившего из украинского казачества, домом. Этот подарок, оценивавшийся в 700 тыс. р., был сделан за то, что Безбородько сопровождал ее в Крым. О царской милости, проявленной к старшему брату основателя гимназии, очевидно, вспоминали не раз. Этот рассказ Гоголь преобразовал и включил в «Майскую ночь»: «Давно, еще, очень давно, когда блаженной памяти великая царица Екатерина ездила в Крым, был выбран он (голова. — Л. В.) в провожатые; целые два дня находился он в этой должности и даже удостоился сидеть на козлах с царицыным кучером... И с той поры голова, об чем бы ни заговорили с ним, всегда умеет поворотить речь на то, как он вез царицу и сидел на козлах царской кареты» [6, т. 1, с. 62].

Жизнь человека бедна событиями, поэтому герои Гоголя помнят «перипетии» своего существования. Жевакин в «Жеңитбе», подобно голове, о чем бы ни говорили, непременно ввернет в разговор рассказ о Сицилии.

Слово анекдот меняло значение. Для гоголевского времени верно определение, данное Далем: «Анекдот — короткий по содержанию и сжатый в изложении рассказ о замечательном или забавном случае» [7, т. 1, с. 17].

Обращение к «русскому чисто анекдоту» и последующее перевоплощение жизненных фактов системно входят в драматургию Гоголя. Конкретные жизненные случаи постоянно ложатся в основу сюжетов в целом и отдельных сюжетных ситуаций.

Диалектическое единство обычного и необычного, желание и умение выявить через обычное сущность исключительного проявляется у Гоголя и в характерологии, и в речевых характеристиках, и в антропонимах. Но наиболее очевидно — в сюжетосложении. Писатель отталкивается от реальных фактов жизни.

Так было начиная с «Владимира 3-ей степени». Ограничимся одним примером. В «Старой записной книжке» П. А. Вяземского читаем следующий рассказ: «А. П. Офросимов — сын Н. Д. Офросимовой, известной русской барыни, «судьи» салонов и гостиных — рассказывал о следующем столкновении своем с родственником Кокошкиным: «У них была общая родст-

венница, старая дева. Была она при смерти больна. Та и другая сторона имели в виду наследовать ей. Проживала она у Кокошкина. Офросимов отправляется к нему. Едва вошел он в комнату, явился и Кокошкин. Больная лежала на кровати, выпуча глаза, и не давала никаких признаков жизни.

Офросимов: «Матушка моя прислала меня к вам узнать о здоровье».

Больная протяжно хрипит.

Кокошкин: «Сестрица очень благодарит матушку вашу и вас за внимание к ней».

Офросимов еще ближе подходит к кровати больной и говорит: «Матушка приказала мне спросить вас, не желаете ли вы и не нужно ли вам, чтобы она вас навестила».

Больная еще протяжнее хрипит.

Кокошкин: «Сестрица очень благодарит матушку вашу за доброе предложение, но просит ее заехать к ней попозже, когда ей будет легче».

Офросимов: «Да помилуйте, Федор Федорович, что это переводите вы по-своему мычание и хрипение сестрицы? Она ничего не слышит и не понимает, ни одного слова выговорить не может, а вы сочиняете за нее ответы».

Сестрица вскоре за тем скончалась, а между наследниками началась тяжба» [4, с. 153].

Этот анекдот, пересказывавшийся в гостиных обеих столиц, представляет быль и былъ весьма типичную. Вяземский отметил: «Рассказ Офросимова, целиком в лицах переданный на сцене, мог бы придать живое и мастерское явление комедии нравов» [4, с. 153].

Это и было сделано Гоголем. Сцена в «Тяжбе» Христофора Петровича Бурдюкова и Пролетова местами почти дословно совпадает с приведенным рассказом. Писателю осталось домыслить финал разговора братьев Бурдюковых, где речь заходит о завещании. Истории с завещаниями и их подделками постоянно проводили к раздорам среди родственников, т. е. были широко распространены. Гоголь заострил подобную обычную ситуацию до пределов почти невероятного. В поддельном завещании одному брату записано почти все, сестре — меньшая часть, а Христофору — «три шаметовые юбки и всю рухлядь, находящуюся в амбаре» [5, т. 5, с. 113]. Анекдотичность усиливается тем, что в поддельном завещании стоит подпись: вместо имени покойницы *Евдокия* — глагол *обмокни*.

Досюветская критика усматривала в подобных находках легкомысленную фарсовость. Например, А. Н. Баженов утверждал, что в основе сюжета «Женихов» — «Женитьбы» дежит «невероятный анекдот, который плохо исполняется и плохо понимается зрителем» [1, с. 263, 578]. Действительно, в «Женитьбе» многое может казаться нелепым. Уже исходная ситуация, когда бездельник друг вмешивается в чужие дела, вплоть до самых интимных, представляется странной. Но она отражала пошлую жизнь. Кочкарев — человек, который суетится без ка-

кой-либо пользы для себя и для других. Характеры, подобные Кочкареву, тоже давала сама жизнь. Сошлюсь на выписку из дневника В. А. Соллогуба, опубликованного в виде очерка под заглавием «Русская барыня». Автор рассказывал историю супружеской измены и счастливого примирения, которое устраивала мужу и жене скучающая светская дама-благотворительница. Соллогуб не понимал причин, побудивших ее вмешаться в отношения супругов: «Для чего она сделала это?.. И вдруг я вспомнил слова Кочкарева: «Ну, хотя ради меня женись», — и мне теперь все стало ясно...» [11, с. 11].

Гоголь не только сюжетику, но и характерологию основывал на «русском чисто анекдоте». Здесь системная межуровневая взаимосвязь: Кочкарев попадает в анекдотические обстоятельства, так как его характер анекдотичен. Анекдотичность же характера Кочкарева определяет его поступки и, следовательно, ситуации, в которых он оказывается. Не менее анекдотичны характеры Подколесина и Жевакина, Хлестакова и Бобчинского с Добчинским, других персонажей.

Каким образом происходит переход обычного в необычное?

Гоголевский талант замечал в обыденном, в том, на что все каждодневно смотрели, не видимое другим. Он показывал, как пошлые мелочи, повторяясь, накапливаются и могут привести к совершенно невероятному результату.

Примером такого превращения является образ-характер Подколесина и соответственно совершаемые им сюжетные поступки. «Видимая миру» человеческая несамостоятельность, неумение соединить желание с его воплощением, по мысли Гоголя, чревато непоправимыми последствиями. То, что Подколесин собирается знакомиться с невестой, но никак не может выехать из дому, уже становится причиной того, что Кочкарев насильно заставляет его ехать к Агафье Тихоновне. На этой стадии персонаж еще может быть оправдан: невесты не видел, мало ли кто собирается жениться... Но после смотрин возникает новое препятствие: невеста то ли понравилась, то ли «нос велик»... И опять выступает самооправдательный фактор. Следующий поворот — много соперников: пусть невеста сама выберет. Здесь причиной отступления служит мнимая деликатность. Но вот другим претендентам отказано — и возникает новое препятствие: так быстро совершить венчание неприлично. Консерватизм Подколесина цепляется вновь за возможность отдалить решительный шаг. Но Кочкарев торопит события: венчание готовится в тот же день, а по закону между обручением и свадьбой должен пройти хотя бы месяц. Напомним, что Гоголя упрекали в незнании обычаев, имея в виду как раз эту ситуацию. Разумеется, писатель не хуже любого современника знал, как должно быть. Критика не поняла, что драматург сознательно применил реалистическую гиперболу, полностью соответствующую авторскому жанровому определению произведения. Гипербола подчеркивает: препятствий нет, можно венчать-

ся. Уже здесь происходит переход вероятного в невероятное. Дальнейшие колебания героя приводят к совершенно невероятному — жених прыгает в окно. Здесь еще раз повторена гипербола. Ряд оттяжек решения героя переводит нерешительность, леность в отчаянный поступок, который становится комической катастрофой персонажа (о чем речь пойдет ниже).

Гоголь как бы демонстрирует прием нанизывания сходных внутренних действий, которые, накапливаясь, приводят к резко-му внешнему действию. Происходит переход количества в качество. Параллельно нанизываются гиперболические комедийные ситуации.

Вновь очевидна межуровневая взаимосвязь: компоненты сюжетного уровня — микроситуации, в которых оказывается Подколесин, — определяются характерологическим уровнем и в то же время проявляют его характер.

Ситуация из «Ревизора» целиком основана на жизненном анекдоте. А. М. Докусов приводил факты, когда за ревизора принимали случайных людей [9, с. 17—19]. В этом ряду большой интерес представляют анекдоты о мнимом ревизоре, сообщенные Вяземским. Он писал: «В одной из наших губерний, и неотдаленной, был действительно случай, подобный описанному в «Ревизоре». По сходству фамилий приняли одного молодого проезжего за известного государственного чиновника. Все городское начальство засуетилось и приехало к молодому человеку я в л я т ь с я. Не знаем, случилась ли ему тогда нужда в деньгах, как проигравшемуся Хлестакову, но, вероятно, нашлись бы заимодавцы. Все это в порядке вещей, не только в порядке комедии» [3, с. 263].

И. М. Троицкий, изучавший архивы III отделения, писал, что ни в одну эпоху не создавалось столько возможностей для провокаций, подложного ревизорства, приобретения казенных денег. «Напуганное с самого начала своего царствования восстанием декабристов, правительство окружило себя людьми ограниченными, подозрительными и преданными царю. В их доверие, а через их посредство в доверие к Николаю-самодержцу входили оборотистые проходимцы». Известны провокации Медокса, Шервуда, сумевших из одурачивания III отделения извлечь немалые личные выгоды [12, с. 79—87]. В то же время их деятельность в провинции доказывала слепую доверчивость властей предержавших на окраинах России, страх перед лицом из Петербурга и готовность служить любому злоупотребителю. Поэтому страх Городничего и всех окружавших его чиновников — не индивидуальный страх. Это явление общее и социальное.

Изображая сцены дачи взяток, Гоголь также шел от анекдотических ситуаций, возникавших на основе узаконенных порядков. Чиновникам, отправлявшимся с ревизией и по прочим казенным надобностям, не выплачивались прогонные. Предполагалось, что деньги у них найдутся. «Сочувствуя» ревизорам, ревизуемые для возмещения понесенных в дороге издержек собирали соответствующие суммы.

У Вяземского находим такую историю: «Один барин не имел денег, а очень хотелось ему иметь деньги. Говорят, — голь на выдумки хитра. Наш барин запасся двумя или тремя подорожными для разезда по дальним губерниям и на этих подорожных основывал он свои денежные надежды. Приедет он в селение, по виду довольно богатое, отдаленное от большого тракта, и, вероятно, не имевшее никакого понятия о почтовой гоньбе и о подорожных; пойдет к старосте, объявит, что он чиновник, присланный от правительства, велит священнику отпереть церковь и созвать мирскую сходку. Когда все соберутся, он начнет важно и громко читать подорожную: «По указу его императорского величества», при этих словах он совершит крестное знамение, а за ним крестится и весь народ. Когда же дойдет до слов: «выдавать ему столько-то почтовых лошадей за указанные прогоны, а где оных нет, то брать из обывательских». Тут скажет он, что у него именно оных-то и нет, т. е. прогонов, т. е. денег, а потому и требовал от обывателей такую сумму, которую назначал он по усмотрению своему. Получив такую подать, отправляется он далее, в другое селение, где повторяет ту же проделку» [4, с. 87—88].

Чиновные лица и реакционные критики упрекали Гоголя в преувеличении и даже в наговоре на чиновничество. Однако и исторические документы, и анекдоты, сообщаемые современниками, показывают, что жизнь давала куда более поразительные свидетельства злоупотреблений, чем могло представить творческое воображение художника. Вяземский ссылался на слова Н. М. Карамзина: «...Если бы отвечать одним словом на вопрос: что делается в России, то пришлось бы сказать: крадут... Один директор департамента делил подчиненных своих на три разряда: одни могут не брать, другие могут брать, третьи не могут не брать. Замечательно, что на общепринятом языке у нас глагол «брать» уже подразумевает в себе «взятки» [4, с. 89].

П. Т. Щипунов собрал факты, из которых следовало, что Гоголь знал о казнокрадстве чиновников и анекдотах на эту тему [13, с. 208]. В «Ревизоре» Городничий упоминает о пожертвованиях на церковь, которая не была построена. Подчиненным он велит объяснить ревизору, будто постройка сгорела. О подобном факте Гоголь писал матери в 1831 г.: «Вам, я думаю, известно, что комиссия построения храма в Москве уничтожена по причине страшных сумм, истраченных ее чиновниками. Все они находятся едва ли не до сих пор под следствием» [13, с. 110—111]. Гоголь мог слышать и поразительные анекдоты из более ранней истории России. Они позволяют представить, каким образом и в каких сферах совершались злоупотребления. «У кого-то из царской фамилии, кажется у Великого князя Павла Петровича, был сильный насморк. Ему присоветовали помазать себе нос на ночь салом, и была приготовлена сальная свеча. С того дня было в продолжение года, если не долее, отпускаемо ежедневно из дворцовой конторы по пуду сальных свечей, — на собственное употребление

его высочества» [4, с. 125]. И еще одна выписка: «Кажется, А. А. Нарышкин рассказывал, что кто-то преследовал его просьбами о зачислении в дворцовую прислугу. «Нет вакансии», — отвечали ему. — «Да, пока откроется вакансия, — говорит проситель, — определите меня к смотрению хотя за какую-нибудь канарейкою». — «Что ж из этого будет?» — спросил Нарышкин. — «Как что? Все-таки будет при этом чем прокормить себя, жену и детей» [4, с. 125].

При таком положении «лихоимство и казнокрадство пронизывало весь правительственный аппарат до низших его рядов включительно. Население облагалось такими поборами, что даже воры — как свидетельствует историк — бросали свой промысел, не желая отдавать львиную долю добычи местной администрации» [12, с. 40].

У Гоголя встречается также анекдотические ситуации ошибочной порки. В «Отрывке» Собачкин рассказывает, как барыня по ошибке собственноручно высекла своего мужа. По его словам, этот случай — «преинтересный анекдот». Кстати, он добавляет к нему собственную выдумку: «Счет всякий день мужа, как кошку!..» [5, т. 5, с. 130]. Этот анекдот трансформируется в «Ревизоре». Воспитанное крепостничеством представление, что пижестоящих можно и должно сечь, находит отражение в анекдотической ситуации с унтер-офицерской вдовой, которая, по словам Городничего, «сама себя высекла». За ошибку, допущенную полицией, она добивается уплаты ей компенсации: «Мне от своего счастья неча отказываться, а денюга бы мне теперь очень пригодилась» [5, т. 4, с. 72]. Подобные случаи имели место в реальности. Бывало, что пострадавшее лицо требовало денежного возмещения «убытков». «Проезжий поколотил станционного смотрителя. Подобного рода путевые впечатления не новость. Смотритель был с амбицией. Он приехал к начальству просить дозволения подать на обидчика жалобу, взыскать с него за бесчестье. Начальство старалось убедить его бросить это дело и не давать ему огласки. «Помилуйте, ваше превосходительство, — возразил смотритель, — одна пощечина, конечно, в счет не идет, но несколько пощечин в сложности чего-нибудь да стоят» [4, с. 92—93].

Гоголь на основе анекдотов, взятых из русской жизни, создал не только исходную сюжетную ситуацию, но и частные ситуации и перипетии. Иногда совпадают с жизненными фактами и анекдотами даже ситуационные и словесные подробности: сцена с Прохоровым в «Ревизоре», рассказ Офросимова и сцена Бурдюкова и Пролетова в «Тяжбе», о чем шла речь выше.

В «Игроках» Гоголь вышел за рамки этой частной темы. Но в текст введены четыре анекдота, повествующие о тонкостях шулерства.

В. В. Виноградов подробно рассматривал светские анекдоты и литературные произведения, связанные с темой карточной игры в России [2]. А. Л. Слонимский дополнил Виноградова фактами из догоголевской драматургии [10]. Эти работы не связа-

ны с творчеством Гоголя. У Виноградова находим только указание, что один из анекдотов (о потерянном чемодане с мечеными картами) Гоголь, несколько переработав, взял из популярного двухтомного сочинения «Жизнь игрока, описанная им самим, или Открытие хитрости карточной игры» (1826—1827 гг.). Четыре анекдота, вписанные Гоголем в ткань пьесы, подготавливали основную комедийную ситуацию — пятый анекдот о том, как шайка шулеров обманула своего собрата. Такое обилие рассказываемых анекдотов позволило почти не изображать на сцене карточную игру, а зрительское внимание направить на другие, более социально окрашенные и постоянно волновавшие Гоголя темы.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство: в каждой комедии кто-либо рассказывает анекдот: в «Отрывке» — Собачкин (о том, как жена высекла мужа); в «Женитьбе» — болтун Жевакин (какие «странные» фамилии были у моряков его эскадры и какое последствие имело ранение мичмана в ногу); тетка с невестой, перебивая друг друга, сообщают, что случилось с Бирюшкиной; в «Ревизоре» Хлестаков врет, что его «приняли за главнокомандующего». Анекдоты присутствуют как элемент мнимо светской болтовни об историях типа «или вышла замуж, или переломила ногу». Подобные пошлые и глупые рассказы нравились тем, кого Гоголь высмеивал. Таков вкус Первого из «Театрального разезда»: «Ну, да мало ли есть всяких смешных светских случаев. Ну, положим, например, я отправился на Аптекарский остров, а кучер меня вдруг завез там на Выборгскую или к Смольному монастырю. Мало ли есть всяких смешных сцеплений?» [5, т. 5, с. 154].

Подобным анекдотам и противостоят гоголевские социальные «русские анекдоты».

Гоголь использовал и комедийно-анекдотические ситуации, идущие из народного театра. В частности, прием изложения ненужных подробностей (в «Ревизоре» — 3-е явление 1-го действия) или прием старательного объяснения того, чего не надо делать: «Ф е к л а. А вот как поворачишь в проулок, так будет тебе прямо будка; как будку минеешь, свороти налево, и вот тебе прямо в глаза и будет деревянный дом, где живет швея, что жила прежде с сенатским оберсеклетарем. Так ты к швее-то не заходи, а сейчас за нею будет второй дом, каменный — вот этот дом и есть ее, в котором, то есть, она живет. Агафья Тихоновна-то, невеста» [5, т. 5, с. 16].

Непонимание гоголевского драматургического принципа — класть в основу сюжета и отдельных его компонентов «смешной или несмешной, но русский чисто анекдот» не раз бывало причиной нападок. Драматурга упрекали то в клевете на общество, то в повторении давно известных ситуаций и истин. Поскольку о подобных происшествиях знали все современники, они подчас не видели ничего нового в том, что предлагал Гоголь. Было и психологическое нежелание признаться в том, что каждый узнавал себя: анекдотические структуры, слива-

ясь в комедии, давали широкую панораму жизни и рождали чувство беспокойства. Такое противоречивое восприятие зрителем его комедий повергало в изумление самого Гоголя. Поистине — «на зеркало неча пенять, коли рожа крива!».

Подобную психологическую ситуацию Гоголь тоже перенес в свои произведения и развил в сценическом микромире. Персонажи «Ревизора», прежде всего Сквозник-Дмухановский, знают, что за чинимые ими злоупотребления может последовать возмездие. Но они знают и другое: злоупотребления в России повсеместны. Узнав о приезде ревизора, они не хотят признать надвигающуюся опасность и стремятся различными способами отвести ее от себя. Чиновники, как будто в шорах, бегут по дороге обманов, взяток, изворотливости. Им кажется, что в этом спасение. Они сами загнали себя в конечную ситуацию, приняв «сосульку», «тряпку» за важное лицо. В сюжете «Ревизора» дана схема: злоупотребления нагнетаются, нанизываются одно на другое в действиях каждого персонажа. Все вместе — это пучок пороков, входящих в одно русло — откровенные мошенничества. Их накопление приводит к комической катастрофе персонажей.

В «Женитьбе» использована та же схема: Подколесин сам создавал цепь пагубных действий, пока не загнал себя на подоконник раскрытого окна.

В «Игроках» нанизывание способов мошенничества идет на двух уровнях: в сфере карточной игры и в социально-чиновничьем мире. Чем больше Утешительный и его шайка рассказывают о злоупотреблениях, тем основательнее они убеждают Ихарева в оказываемом ему доверии. И вдруг — сообщение, что заключавшийся союз Утешительного с Ихаревым на самом деле — обман. Здесь качественный скачок, делающий известное невероятным. Схема та же, но несколько усложненная пересечением указанных структурных уровней с темой мошенничества.

Итак, на одном из основных уровней системы — сюжетном — Гоголь достиг качественно нового результата. Он сумел каждодневное сделать новым, привлек к нему внимание, чтобы известное, порочное, но привычное изменить средствами искусства. Системность восприятия общественных явлений дала сходные приемы отражения окружающего мира, такие структуры, где видевшаяся простота и обыденность в последней точке развития сюжета неизбежно перерастает в исключительную результативную ситуацию. Возникает новая структура, обладающая постоянным свойством: совершенно невероятные ситуации и в то же время целиком правдоподобные. Так Гоголь создавал новые анекдоты — социальные комедии.

1. Баженов А. Н. Сочинения и переводы. М., 1969. 2. Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 2. 3. Вяземский П. А. Полное собрание сочинений: В 12 т. СПб., 1879. Т. 2. 4. Вяземский П. А. Старая записная книжка. Л., 1929. 5. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 т. Л., 1937—1952. 6. Го-

голь Н. В. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1952—1953. 7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955. 8. Дидро Д. О драматической литературе // Избр. произв. М.; Л., 1941. 9. Докусов А. М. Драматургия Н. В. Гоголя. Л., 1962. 10. Слонимский А. Л. Пушкин и комедия 1815—1820 гг. / Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 2. 11. Соллогуб В. А. Воспоминания. М.; Л., 1931. 12. Троицкий И. М. Третье отделение при Николае I. М., 1930. 13. Щипунов П. Т. Н. В. Гоголь. 1809—1852. М.; Л., 1949.

Статья поступила в редколлегию 05.07.88

Л. М. Цилевич, проф.,
Даугавпилсский пединститут

Сюжетно-композиционная система комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»

Художественный мир «Ревизора», как показал еще В. Г. Белинский, — это мир целостный, «замкнутый в самом себе», потому что Гоголь «взял из жизни своих героев такой момент, в котором сосредоточивалась вся целостность их жизни, ее... сущность, идея, начало и конец: ... ожидание и прием ревизора». Белинский обратил особое внимание на финал комедии: «... Приход жандарма с известием о приезде истинного ревизора прекрасно оканчивает пьесу и сообщает ей всю полноту и всю самостоятельность особого, замкнутого в себе мира» [2, с. 485, 487]. В. И. Немирович-Данченко подчеркнул взаимодействие начала и финала, завязки и развязки: «В «Ревизоре» ... — одна фраза, одна первая фраза:

«Я пригласил вас, господа, для того, чтобы сообщить вам неприятное известие: к нам едет ревизор».

И пьеса уже начата. Дана фабула и дан главнейший ее импульс — страх. Все, что могло бы соблазнить писателя для подготовки этого положения, или беспощадно отбрасывается, или найдет себе место в дальнейшем развитии фабулы... Как одной фразой Городничего он завязал пьесу, так одной фразой жандарма он ее развязывает...» [7, с. 597, 599].

«Глубокие и четкие выводы Немировича-Данченко и сегодня не утратили своей свежести. И сегодня они представляют собой своеобразный конспект для дальнейшего изучения «Ревизора» [5, с. 9]. Это утверждение Ю. В. Манна можно отнести и к настоящему времени.

Как же «развернуть тезисы» этого конспекта? Как заполнить конкретным анализом тот контур сюжета комедии, который очерчен Немировичем-Данченко? Для этого необходимо, вчитываясь в текст произведения, использовать понятия и термины современной сюжетологии и теории автора.

М. М. Бахтиным было предложено понимание сюжета как единства рассказываемого события и события рассказывания, которые сливаются в единое событие произведения. Это опре-